

СПУТНИК — 4 октября 1957 г. с космодрома «Байконур» (Казахская ССР) Советский Союз запустил первый в истории человечества искусственный спутник Земли — «Спутник-1». Диаметр «Спутника-1» — 58 см, вес — 83,6 кг, он совершил один виток вокруг Земли за 96 мин 12 сек.

Месяц спустя, 3 ноября, так же успешно стартовал «Спутник-2» с собакой Лайкой на борту. Она стала первым животным, отправленным в космическое пространство, но, поскольку «Спутник-2» не вернулся обратно на Землю, Лайку постигла участь жертвы биологических исследований в космосе.

*«Хроника Всемирной Истории»,
издательство «Коданя»*

1

В ту весну Сумирэ исполнилось двадцать два года, и она впервые в жизни влюбилась. Сумасшедшая любовь обрушилась на нее, как смерч, способный вмиг опустошить бескрайнюю равнину: все, что имеет хоть какую-то форму и попадает на пути, он сметает под корень, без разбору швыряет в небо, ни за что ни про что кромсает в клочья и корежит до неузнаваемости, после чего, нимало не утратив мощи, уносится к Тихому океану, безжалостно рушит Ангкор Ват, по пути, в индийских лесах, испепеляет семейство несчастных тигров, в персидской пустыне превращается в самум и хоронит в песке целый экзотический город-крепость. В общем, любовь поистине монументальная. Человек, в которого Сумирэ влюбилась, был старше ее на семнадцать лет. Семейный человек. И кроме всего прочего — женщина. Вот с чего все началось. На этом все и закончилось. Почти все...

В то время Сумирэ буквально из кожи вон лезла, чтобы стать профессиональным писателем. Какое бы великое множество путей-дорог ни дарила ей жизнь, для Сумирэ не существовало иного выбора — писателем, и точка. Решимость ее была тверда, как тысячелетняя скала. Ни о каком компромиссе речи не шло. Смысл существования Сумирэ и ее вера в Литературу были плотно спаяны друг с другом — волосок бы не пролез.

Сумирэ окончила муниципальную повышенную среднюю школу¹ в префектуре Канагава. Затем поступила на литературное отделение скромного и тихого частного института в Токио. Однако заведение было явно не для нее. Все, чему там учили, оказывалось неувлекательным, вялым и абсолютно неприменимым на практике — разумеется, в понимании Сумирэ. Ничто не соответствовало ее представлению о том, как оно должно быть. Короче — сплошное разочарование. Большинство окружающих студентов были безнадежными занудами, заурядными второсортными экземплярами, к числу которых, по правде сказать, принадлежал и я. Вот почему перед третьим курсом Сумирэ с легким сердцем написала заявление и покинула стены института. Решила, что оставаться и дальше в таком месте, — лишь попусту тратить время. А может, она была права. Наверное. Однако, если можно, осмелюсь высказать здесь свою очень банальную, заурядную мысль. Мне кажется, в нашей далекой от совершенства жизни должно быть хоть чуточку бесполезного. Если все бесполезное улетучится, жизнь потеряет даже свое несовершенство.

В общем, Сумирэ была неисправимым романтиком, личностью весьма упертой, ко всему относилась несколько отстраненно и с долей скепсиса, но реальной жизни совсем не знала. Временами, если на нее находил стих поболтать, она могла говорить бесконечно. Правда, если собеседник оказывался «не ее человеком» по духу — а к таким относилась большая часть человечества, — она почти не раскрывала рта. Сумирэ дымила, как паровоз, а когда ехала в метро, обязательно — сто процентов — теряла билет. Частенько, погрузившись в свои мысли, начисто забывала о еде и была тощей, как военные си-

1 Повышенная средняя школа (или «школа второй ступени») — школа для 15—18-летних учеников. (Здесь и далее прим. перев.).
Переводчик выражает благодарность Юки Йосиока.

роты из старых итальянских фильмов, — одни глаза. Чем объяснить словами, лучше, конечно, просто показать ее фотографию, но, к сожалению, у меня нет ни одной. Она ужасно не любила сниматься и совсем не стремилась оставить потомкам «портрет Художника в юности». Хотя если бы сохранились снимки Сумирэ того времени, они могли бы несомненно стать уникальным документом, запечатлевшим некие совершенно особые качества человеческой натуры. Но увы...

Забегая вперед, скажу, что женщину, в которую влюбилась Сумирэ, звали Мюу. По крайней мере, ее все так называли — уменьшительно. Ее настоящего имени я не знаю. (И не знал, из-за чего в один прекрасный день попал в довольно затруднительное положение, но об этом позже.) Мюу была кореянской, но почти ни слова не говорила по-корейски до двадцати с лишним лет, когда решительно взялась за изучение языка. Мюу родилась и выросла в Японии, стажировалась во французской Консерватории и поэтому, кроме японского, свободно владела французским и английским. Она была всегда безупречно и со вкусом одета, носила небольшие, но дорогие украшения — как-то буднично, равнодушно — и водила двенадцатицилиндровый темно-синий «ягуар».

Когда они впервые встретились, Сумирэ заговорила о Джеке Керуаке. В то время Сумирэ нырнула в его книги с головой. Она периодически меняла своих литературных идолов, но тогда ее увлек уже несколько вышедший из моды Керуак. У нее в кармане всегда лежали «На дороге» или «Одинокий странник», и, как только выпадала минутка, Сумирэ утыкалась в книжку. Особо удачные строки она подчеркивала и заучивала наизусть, словно бесценные буддийские сутры. Больше всего ей в душу запал эпизод из «Одинокого странника» — о пожарной вахте в горах. На вершине стояла хижи-

на, где Керуак провел три месяца один-одинешенек — работал пожарным наблюдателем.

Сумирэ цитировала эти строки:

«Человек должен хоть раз в жизни оказаться в крошечной глуши, чтобы физически испытать одиночество, пусть даже задыхаясь при этом от скуки. Почувствовать, как это — зависеть исключительно от себя самого, и в конце концов познать свою суть и обрести силу, ранее неведомую».

— Разве это не прекрасно? — спрашивала меня Сумирэ. — Каждый день стоишь на вершине, обозреваешь окрестность на 360 градусов и высматриваешь, не поднимается ли из-за какой-нибудь горы черный дым. Вот и вся работа на целый день. А потом — читай любимые книги, пиши романы. По ночам вокруг хибары бродят огромные мохнатые медведи. Вот это жизнь — как раз то, что мне нужно! А моя учеба на литературном отделении? По сравнению с этим — бессмысленная, как кончик огурца.

— Есть только одна проблема: когда-нибудь все равно придется слезть с горы, — высказался я. Однако мое приземленное банальное суждение — впрочем, как и всегда — не вызвало в ее душе особых колебаний.

Сумирэ всерьез мучилась над тем, как бы ей стать похожей на героев Керуака, быть такой же «wild», «cool» — дикой, крутой — и чтобы всего этого было «через край». Ходила, засунув руки в карманы, волосы нарочно всклокочены и торчат в разные стороны. Носила очки в черной пластиковой оправе, как у Диззи Гиллеспи, хотя зрение имела вполне приличное, отсутствующим взглядом смотрела в небо. Обычно одевалась в мешковатый твидовый пиджак, который, похоже, купила в лавке старьевщика, и грубые тяжелые ботинки. Уверен — если б могла, она точно отпустила бы себе бороду и усы.

Сумирэ нельзя было назвать красавицей в обычном понимании. Щеки впалые, рот широковат. Нос маленький, кончик слегка вздернут. Сумирэ чувствовала тонко, любила юмор, но сама редко смеялась в голос. Она была маленького роста, но даже в самом хорошем настроении говорила так, словно готова ринуться в бой. Вряд ли за всю свою жизнь Сумирэ хоть раз держала в руках губную помаду или карандаш для бровей. Сомневаюсь, знала ли она, что у лифчиков, вообще-то, существует размер. При всем том нечто в Сумирэ притягивало сердца. Что особенного в этой девушке — словами не объяснишь. Достаточно было просто заглянуть ей в глаза — там всегда отражалось это «нечто особенное».

Ладно, что бродить вокруг да около... Я любил Сумирэ. С самых первых слов, которыми когда-то мы перекинулись, любовь захватила меня, и постепенно я понял: всё, назад дороги нет. Долгое время никого и ничего, кроме нее, для меня не существовало. Конечно, я несколько раз порывался рассказать ей о своих чувствах. Но почему-то, когда она была рядом, я никак не мог найти подходящие слова. А может, в конце концов даже и лучше, что так вышло. Ведь умудрись я как-то донести до нее свою любовь, она уж точно от смеха бы лопнула.

Покуда я «дружил» с Сумирэ, у меня было две-три девушки, и с ними я встречался. (Не то чтобы я не помнил, сколько их было точно. «Две-три» — зависит от того, как считать.) Если добавить еще и тех, с кем я спал всего раз или два, список окажется чуть длиннее. Когда мое тело занималось любовью с этими девушками, я часто думал о Сумирэ. То есть где-то в уголке моего мозга — иногда я чувствовал это сильнее, иногда слабее — надежно хранился ее образ. Часто, обнимая другую, я представлял, что на самом деле со мной Сумирэ. Конечно, с моей стороны это было не очень честно. Но что толку рассуждать «честно — нечестно», если я просто не мог иначе.

Итак, вернусь к тому, как Сумирэ познакомилась с Мью.

Мью слышала раньше имя Джека Керуака и даже смутно припоминала: вроде он был писателем. Но что это был за писатель, она не помнила напрочь.

— Керуак? Хм... Это который был м-м... «спутником», что ли?

Сумирэ сразу даже не поняла, о чем, собственно, речь. Нож с вилкой так и застыли у нее в руках, и она задумалась.

— Спутник? Искусственный спутник Земли, который Советский Союз первым запустил в начале 50-х? Да, но Джек Керуак — американский романист. Ну да, по времени они, конечно, совпадают, но...

— А разве не так назывались тогда писатели вроде Керуака? — спросила Мью и кончиком пальца очертила на столе круг. Словно память ее была сосудом причудливой формы, на дне которого она и пыталась на ощупь отыскать нужное воспоминание.

— Спутник?..

— Ну да, название литературного направления. Так ведь часто говорят: «Существует такая-то школа...» Точно-точно. Как «Сиракаба»¹.

Тут, наконец, до Сумирэ дошло.

— Битник!

Мью слегка промокнула губы салфеткой.

— Битник, спутник... Вечно я термины эти забываю. Всякие там «Реставрации Кэмму»², «Рапалльские договоры». Да ну их, все это — дремучая история.

1 «Сиракаба» (яп. «белая береза», 1910—1923) — литературная группа, с деятельностью которой связаны имена писателей-неогуманистов Такэо Арисима, Наоя Сига, Санзацу Мусякодзи.

2 Реставрация Кэмму (1334) — восстановление единоличной императорской власти в Японии императором Го-Дайго после периода, когда реальная власть в стране принадлежала военному правительству, т.н. «бакуфу».

Ненадолго воцарилось легкое молчание, как бы напоминающая о течении времени.

— Рапальские договоры? — переспросила Сумирэ.

Мюу улыбнулась. Словно выдвинули ящик, к которому не прикасались целую вечность, и вытащили из его глубины на свет божий эту улыбку — милую улыбку близкого и родного человека. Мюу удивительно красиво прищурилась. Затем протянула руку и узкими длинными пальцами еще больше взъерошила и без того торчавшие в разные стороны волосы Сумирэ — так просто и естественно, что Сумирэ невольно поддалась на этот жест и тоже улыбнулась.

С того дня Сумирэ стала про себя называть Мюу «мой любимый спутник». Она обожала звучание этого слова — «спутник». Напоминало о собаке Лайке. Искусственный спутник Земли бесшумно рассекает тьму космоса. Из маленького иллюминатора смотрят черные и такие славные собачьи глаза. Что вообще она там видела, эта псина, посреди бескрайнего космического одиночества?

Разговор о спутнике зашел на банкете по случаю свадьбы двоюродной сестры Сумирэ. Банкет устроили в фешенебельной гостинице в Акасака. Сумирэ не испытывала особой приязни к своей кухне (более того — на дух ее не переваривала), да и все эти обязательные приемы были для нее сушей пыткой. Просто в тот раз она почему-то не сумела отказаться. Их места с Мюу оказались рядом, за одним столом. Мюу особо не вдавалась в подробности: то ли она давала кухне Сумирэ уроки игры на фортепиано, когда та поступала в музыкальный институт, то ли как-то иначе ей помогала. Знакомы они были не давно и не близко, просто невеста хотела выразить Мюу свою признательность, потому и пригласила на свадьбу.

Сумирэ влюбилась моментально — в ту секунду, когда Мюу дотронулась до ее волос, — можно сказать, почти рефлекторно. Словно идешь по широкому полю, и вдруг — бабах! — тебя прошибает молния. В точности как божественное откровение, которое переживает Художник — вот так это было. И то, что Сумирэ угораздило влюбиться в женщину, в тот момент для нее не имело ровно никакого значения.

Насколько я знаю, у Сумирэ не было «любимого», как это принято называть. В старших классах у нее водилось несколько приятелей — так, сходить в кино, поплавать вместе в бассейне. Но, думаю, все это для Сумирэ было не очень серьезно. Почти все ее мысли постоянно и неизменно занимало лишь одно страстное желание: стать писателем. Не похоже, чтобы Сумирэ могла так же сильно, всем сердцем прикипеть к кому-то из тех молодых людей. Даже если у нее и был секс (или что-то вроде того) в старших классах, скорее всего, случилось это не по любви или влечению, а из «литературного любопытства».

— Знаешь, а я правда не догоняю, что это за штука такая — «половое влечение», — в один прекрасный день, незадолго до того, как бросить институт, поведала мне тайну Сумирэ. С исключительно серьезным лицом: она выпила уже пять «банана дайкири» и прилично набралась. — Ну как это вообще наступает, на что похоже? Ты бы сам как объяснил?.. Все это?

— Половое влечение — не то, что понимаешь мозгами, — изрек я свое очередное исключительно уместное замечание. — Оно просто существует — и все. Точка.

Сумирэ уставилась на меня и некоторое время пристально изучала мое лицо, будто перед нею возник механизм, приводимый в действие какой-то диковинной движущей силой. А затем, потеряв ко мне всякий интерес, переключилась на изучение потолка. На этом разговор иссяк. Видимо, она решила, что беседовать со мной на подобные темы — гиблое дело.

Сумирэ родилась в Тигасаки¹. Ее дом стоял почти у самого океана, и часто ветер с песком сухо стучался в стекла. Отец Сумирэ был стоматологом и держал практику в Йокогаме. Он был невероятно красив — особенно впечатляла безукоризненная линия носа: благодаря ей он был очень похож на Грегори Пека времен «Завороженного». К сожалению, как говорила сама Сумирэ, отцовский нос по наследству ей не достался. Ни ей, ни ее младшему брату. «Вот странно, — час-то думала она, — ген, что вызвал к жизни такой красивый нос, просто куда-то исчез. А если он погребен где-нибудь на дне генетической реки? Ведь это же настоящий урон для Культуры». Столь прекрасен был этот нос.

Не удивительно, что в Йокогаме и окрестностях невероятно красивый отец Сумирэ был легендой для всех женщин, которые хотели избавиться от разных зубных дефектов. Он вел прием в хирургической шапочке, натянутой до бровей, и большой марлевой маске. Пациенты лицезрели только уши и глаза доктора. Но даже в таком виде красота его была очевидна: прекрасный нос величественно и сексуально возвышался под маской. При первом же взгляде на него большинство пациенток заливались краской и, забыв, что медицинская страховка здесь не работает, в мгновение ока влюблялись.

Мать Сумирэ умерла еще молодой, в тридцать один год: у нее был врожденный порок сердца. Сумирэ тогда не исполнилось и трех лет. О матери она помнила одно — слабый запах ее кожи. Фотографий мамы почти не осталось, всего две-три: официальная — со свадьбы — и несколько моментальных снимков с Сумирэ, сразу после родов. Сумирэ вы-

¹ Тигасаки — город на побережье залива Сагами (Тихий океан) с населением более 200 тыс. чел. В сознании широкой японской общественности ассоциируется с Калифорнией, как о ней пела группа «Matas & Paras»: яхты, серфинг и прочие радости сладкой жизни. Сам залив Сагами часто называют «восточный Майами-бич».

таскивала старые альбомы и часто их рассматривала. Если говорить только о внешности, мать Сумирэ — выражаясь самым деликатным образом — «не производила особого впечатления». Маленького роста, прическа — никакая, при взгляде на одежду хотелось задать вопрос: «Что это было?», на лице — неприятная усмешка. Казалось, сделай она шаг назад — и сольется со стеной. Сумирэ изо всех сил старалась впечатать в память черты материнского лица. Тогда, наверное, они смогли бы встретиться во сне, взяли бы за руки и стали говорить друг с другом. Говорить и говорить. Но ничего не получалось. Как только Сумирэ начинало казаться: все, запомнила! — это лицо тут же уплывало из памяти. Куда там во сне — если бы они столкнулись на дороге среди бела дня, Сумирэ, скорее всего, прошла бы мимо, так маму и не узнав.

После маминой смерти отец почти никогда вслух не вспоминал о ней. Он вообще был не слишком разговорчив и, кроме того, стремился избегать любых проявлений чувств, словно эмоции — сродни инфекционным заболеваниям полости рта. Сама Сумирэ не помнила, чтобы когда-нибудь расспрашивала отца о маме. Пожалуй, лишь раз, еще совсем маленькой, она почему-то спросила: «А какой вообще была моя мама?» Тот разговор с отцом отпечатался в ее памяти очень четко.

Отец отвел взгляд и ненадолго задумался. Затем произнес: «У нее была очень хорошая память. И красивый почерк».

Ну не странное ли описание человека? Я-то считаю, он должен был сказать своей маленькой дочке такое, что отложилось бы глубоко в ее сердце. Какие-то слова, которые смогли бы дальше согреть и питать ее душу. Ведь в жизни здесь, на третьей планете Солнечной системы, дочери надеяться особенно не на что, и слова эти как раз могли бы стать

для нее стержнем и опорой, когда все идет вкривь и вкось. Сумирэ ждала, затаив дыхание: открыта первая белоснежная страница блокнота. Но увы, ее красавец-отец не сумел сказать этих слов, хоть и должен был суметь. Такой вот человек.

Когда Сумирэ исполнилось шесть лет, отец снова женился, и через два года на свет появился ее младший брат. Красотой новая мама Сумирэ тоже не отличалась. Еще у нее не было никакой выдающейся памяти, да и почерк — совсем неважный. Однако она была человеком добрым и справедливым. Маленькой Сумирэ, автоматически ставшей ее приемной дочерью, можно сказать, просто повезло. Нет, все-таки «повезло» — не то слово. Ведь как ни крути, выбор сделал отец. Насколько хорошим отцом он был — это еще вопрос, но вот в выборе спутницы жизни неизменно сохранял ум и реалистичный взгляд на вещи.

За все отрочество, которое у Сумирэ тянулось довольно долго, любовь мачехи к ней ни разу не пошатнулась. Даже когда Сумирэ заявила, что собирается бросить институт и заняться сочинением романов, мачеха, вообще говоря, с уважением отнеслась к такому стремлению, хотя у нее самой, конечно, имелось на этот счет свое мнение. Она радовалась, что Сумирэ с раннего детства запоем читала книги, и всегда это поощряла.

Некоторое время мачеха всячески уговаривала отца, и в результате они договорились так: пока Сумирэ не исполнится двадцать восемь, отец поддерживает ее деньгами. Но если за это время ничего путного из дочери не выйдет, дальше она заботится о себе сама. Если бы не мачеха, Сумирэ — без гроша в кармане, толком не зная правил игры и не умея держать равновесие, — наверняка выбросило бы посреди того, что называют «реальностью». То есть — в дикую пустыню, которой не очень свойственно чувство юмора. (Конечно, Земля